Луговцова, С. Л. Размышления над книгой: Тымацi Снайдэр. Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украiна, Лiтва i Беларусь, 1569—1999 гг. Мiнск, 2010 / С. Л. Луговцова // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 277 – 292

С. Л. Луговцова

ТЫМАЦІ СНАЙДЭР. РЭКАНСТРУКЦЫЯ НАЦЫЙ: ПОЛЬШЧА, УКРАІНА, ЛІТВА І БЕЛАРУСЬ, 1569—1999 гг.; пер. з англ. мовы М. Раманоўскага і В. Калацкай. Мінск : Медысонт, 2010. 424 с. Наклад 99 асобнікаў

Путь интеллектуального путешествия профессора Йельского университета Тимоти Снайдера пролегает по следам эволюции национальных идей в раннемодерной Речи Посполитой (1569—1795), в империях XIX — начала XX в., участвовавших в ее разделе, в советских республиках и независимых государствах, пришедших им на смену. Работа Т. Снайдера охватывает не только значительный географический регион, но имеет также весьма широкую хронологию, что сразу создает определенную интригу для заинтересованного читателя, рождая вопрос о том, каким образом автор справится со столь непростой задачей. Т. Снайдер разрешает наши сомнения уже во введении, четко обозначая тематику и основное содержание разделов работы, которые вовсе не претендуют на всесторонний анализ национальной жизни государств, «выросших» из единого корня Речи Посполитой.

Основное содержание монографии. Часть первая «Споры за литовско-белорусское Отечество» (разделы 1—5) посвящена исследованию вопроса о том, каким образом непосредственным преемником государственности Великого Княжества Литовского в современном мире стало литовское государство, при том что этнические литовцы составляли в княжестве явное меньшинство, а «высокой» культурой, культурой элиты ВКЛ являлась культура польская. Автор ставит вопрос еще шире и острее, он ищет причины «неудачи с формированием нации в Беларуси в контексте других национальных движений» [с. 27] на протяжении всего XX в. В поисках ответа на поставленный вопрос Т. Снайдер большое внимание уделяет «проблеме Вильно», а именно: открытой вооруженной и скрытой дипломатической борьбе за обладание этим уникальным в культурном и общественном отношение для стран-соседок городом. Автор впервые в историографии делает последовательную попытку объяснить быструю литуанизацию Вильно в послевоенные годы (в период после Второй мировой войны. — *С. Л.*).

Часть вторая «Украинские рубежи» (разделы 6—10) рассматривает малоисследованные вопросы этнических чисток на территории Украины. По мнению автора, организованный террор во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы разрушил ту историческую оболочку, в которой могла существовать раннемодерная идея национальности. Т. Снайдер утверждает, что в 40-е гг. XX в. в ходе взаимных этнических чисток между украинцами и поляками погибло около 100 000 человек, а 1,4 млн были принудительно выселены. Он задает вопрос: «Могут ли современные национальные государства найти примирение с такой исто-

Луговцова Светлана Леонидовна — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

рией?» И отвечает на него положительно. Собственно анализу факторов, которые сделали такое примирение возможным, в значительной мере посвящена следующая часть его книги.

В третьей части «Реконструированная родина поляков» (разделы 11—14) рассматриваются вопросы формирования стратегии польской восточной политики. Т. Снайдер раскрывает ведущую роль эмигрантов Ежи Гедройца и Юлиуша Мерашевского, деятельности парижского журнала «Культура» в 1970-е гг. в ее разработке. Автор рассматривает, каким образом мысли, высказанные польскими эмигрантами, были не только восприняты польской государственной (на тот момент еще советской) элитой, но и претворены в жизнь. Ведущую роль в реализации новой польской восточной политики, суть которой состояла в признании советских республик Литвы, Беларуси и Украины, как независимых государств, и отказе от любых территориальных претензий в их отношении, Снайдер отводит министру иностранных дел Польши Крыштофу Скубишевскому. Автор считает, что внешняя политика Польши в восточном направлении оказалась, безусловно, успешной, и остается недооцененной в современном мире. По его мнению, к 90-м гг. XX в. в отношениях между Польшей, Литвой, Беларусью и Украиной накопилось достаточно причин для национальных конфликтов: не обоснованные исторически границы, провокационное поведение меньшинств, реваншистские претензии, воспоминания об этнических чистках. Снайдер считает, что сохранение стабильных отношений в регионе в значительной степени является результатом осуществления внешней политики Польши по отношению к соседним государствам. Самое простое свидетельство польского успеха — тот факт, что историческое соперничество и этнические чистки военного времени, о которых идет речь в книге, остались на Западе практически неизвестными. Если бы в 1990-е гг. в регионе вспыхнули вооруженные конфликты, как в Югославии, широкая публика узнала бы про те прецеденты, которые имели место в годы Второй мировой войны и после ее окончания. Еще одно свидетельство успеха польской восточной политики, по мнению Снайдера, — быстрая интеграция Польши с Западом. И тут для читателя окончательно проясняется вопрос о хронологических рамках исследования. Если 1569 г. — год заключения Люблинской унии, в результате которой возникла Речь Посполитая, логически следовал из заданной темы, как дата начала исследования, то 1999 г., в качестве даты завершения работы, вызывал ряд вопросов к его автору. Известно, что Польша вернула себе полный суверенитет в 1989 г., а Беларусь, Украина и Литва получили независимость в 1991 г. По мнению Снайдера, только вступление Польши в НАТО в 1999 г. можно считать завершением определенного этапа ее национальной истории. Автор подчеркивает, 1999 г. — это свидетельство успешной интеграции Польши с Западом, а также важная веха на пути полноценного вхождения в западное сообщество Литвы, Украины и Беларуси, для которых Польша может и должна стать своеобразным мостом в данном направлении.

Все три раздела привлекают внимание остротой поставленных вопросов. Автор не только не боится болезненных тем, но максимально заостряет «неудобные» вопросы. В поисках ответов он опирается на серьезный анализ современной англо-американской, а также восточно-европейской историографии. Т. Снайдер предлагает новые агрументы и малоизвестные факты, привлекает к работе первоисточники. Очевидно, что при таком подходе его книга будет интересна не только историкам и политологам, но и самому широкому кругу читателей.

«Эта книга — история Беларуси». Так заявляет сам автор в предисловии к белорусскому изданию (впервые работа вышла в англоязычном варианте в 2003 г.) и продолжает: «Она подает, возможно, по-новому, некоторые из политических, экономических, культурных и интеллектуальных изменений, которые происходили на территории современной Беларуси в раннемодерный и модерный периоды. В то же время эта история слабостей белорусских национальных движений на этих территориях» (с. 9). Исследователь настойчиво ищет ответы на вопросы о том, почему белорусский этнос, составлявший в ВКЛ преобладающее большинство, проиграл «сражение» за «литовское» наследство, потерял Вильно в качестве столи-

цы и создал наиболее слабое национальное движение в восточноевропейском пространстве. Автор предлагает свои ответы главным образом в первом разделе книги.

По мнению Т. Снайдера, судьба белорусской ветви на древе Великого Княжества Литовского свидетельствует, насколько опасно принимать языковые или «этнические» сообщества прошлого за прямых предшественников существующих сегодня национальных групп. Когда современная нация уже сложилась, ее историкам довольно просто «доказать», что она происходит от определенной этнической общности. Поэтому неудача белорусской идеи — полезная проверка теории практикой. Белорусский этнос на значительной территории количественно превосходил все остальные. В соответствии с переписью населения в Российской империи 1897 г. в Виленской, Минской, Гродненской, Могилевской, Витебской губерниях по-белорусски разговаривали три четверти населения. Тем не менее, как считает автор, в XX в. именно эта «этническая общность» не создала современной нации. Если бы успех национального движения зависел от численности носителей языка, то белорусы имели бы больше остальных причин для оптимизма. Неудача белорусского движения, по мнению Т. Снайдера, — результат случайного стечения общественно-политических причин, которые невозможно объяснить с точки зрения современных теорий национализма (с. 67).

Автор начинает поиск этих причин в истории Речи Посполитой раннего Нового времени. Он считает, что польский язык уже в XVI в. занял лидирующие позиции среди элиты ВКЛ. И произошло это не в результате иммиграции поляков, а через постепенное принятие политического строя, который установился в Польше, а с 1569 г. закрепился в Речи Посполитой [с. 38]. На наш взгляд, правильно указывая на важность для последующего развития событий процесса ополячивания местной шляхты, автор преувеличивает его темпы. Исследования современных белорусских и украинских авторов позволяют говорить об активном развитии процесса полонизации местных элит, скорее, начиная со второй половины XVII в. (более подробно об этом см. работы А. Котлярчука и Н. Яковенко [4; 9])

Анализируя политику Российской империи на территории бывшей Речи Посполитой сразу после ее разделов, Т. Снайдер справедливо отмечает, что в годы правления Александра I в образовательной и культурной сферах российская власть поддерживала на землях бывшего ВКЛ польское влияние. В начале XIX в. управлять значило включать в систему власти местные элиты, а не задействовать массы. Александр I был убежден, что лучшей почвой для такого включения станут общие принципы просвещения, которые распространял в Виленском учебном округе его друг — поляк Адам Чарторыйский (с. 70). Результатом деятельности А. Чарторыйского стала дальнейшая полонизация жителей белорусских губерний.

После поражения восстания 1830—1831 гг. при новом императоре Николае I отношение российских властей к краю резко изменилось. Среди мероприятий, направленных на русификацию присоединенных территорий, Т. Снайдер выделяет ликвидацию униатской церкви. К последнему разделу Речи Посполитой в 1795 г. почти четыре пятых крестьян в ВКЛ принадлежали к униатской церкви. В 1839 г. ее поглотило российское православие. И если литовские национальные деятели позднее могли использовать католическую церковь как знак отличия от России, то белорусским оставалось только сожалеть об утрате «своей» церкви. Автор не случайно закавычивает слово «своей», так как считает, что в 1839 г. униатская церковь на территории Беларуси не являлась национальной, так как пользовалась в богослужении польским языком. Он считает, что униатская церковь на землях Беларуси имела возможность превращения в национальный институт, но для реализации этой возможности необходим был ее разрыв с традициями раннего Нового времени, а не их продолжение (с. 71).

По мнению Т. Снайдера, после 1863 г. осуществлять национальную политику означало отбросить идею единого политического (шляхетского) народа Речи Посполитой и начать воспринимать в качестве нации определенную этническую группу, абсолютное большинство которой во второй половине XIX в. составляло крестьянство. Первыми это поняли на северо-

западе бывшего ВКЛ, где удушение восстания 1863 г. стало катализатором современной литовской национальной идеи, опирающейся на языковой фактор. Окончательная отмена крепостного права ускорила модернизацию сельского хозяйства, в результате чего сложился новый класс — состоятельных литовских крестьян. На протяжении последующих десятилетий литовское национальное движение составляли крестьяне литовского происхождения, деклассированная шляхта, интеллигенция, получившая образование в российских университетах, и римско-католические священники. Новое поколение литовских национальных деятелей вместо вооруженной борьбы обратилось к национальной культуре. Если для поляков «возвращение к истокам» означало укрепление опоры национальной элиты среди широких масс, то от литовцев требовалось «национализировать самих себя» (с. 55). На протяжении многих столетий литовский язык не играл никакой политической роли. Великие князья литовские никогда не печатали книг по-литовски. Последний великий князь, который хотя бы знал литовский язык, умер в тот же год, в который Колумб открыл Америку (с. 56).

Казалось бы, на пути языковой «национализации самих себя» деятели белорусского национального движения должны были получить значительное преимущество. Ведь именно старобелорусский (в разных вариантах — «канцелярский славянский», «литвинский») язык длительное время был языком образованных людей ВКЛ. На практике получилось иначе. В своих попытках отделить себя от поляков белорусы оказались в незавидном положении. Если литовский язык (балтский по-происхождению) значительно отличался от польского, то языковая близость белорусского и польского языков, которая в значительной мере помогла сближению Великого Княжества и Польши в раннее Новое время, превратилась в тяжелое бремя для каждого, кто стремился развивать белорусский языковой национализм в XIX в. Для белорусских крестьян польский, а позднее русский язык были языками бóльших возможностей. Чтобы подняться на более высокую ступень в обществе, крестьянин должен был разговаривать на польском или русском (с. 66). В XIX в. появились белорусские патриоты, которые хотели поднять белорусский язык на уровень литературного, потенциально читать на нем могли миллионы. Однако не было людей, которые бы владели *только* белорусским языком, и соответственно не было рынка продажи белорусских книг (с. 73).

Продолжая анализировать причины, по которым большой (в количественном выражении) белорусский этнос проиграл «сражение» за наследство ВКЛ малому литовскому, Т. Снайдер обращает внимание читателя на происхождение лидеров национальных движений. Как осмысление национальной истории в XIX в. перекликалось с реальными проблемами будущей нации, также и ощущение несправедливости, присущее литовским национальным деятелям, объяснялось, по его мнению, их низким социальным происхождением. Литовское национальное движение зародилось в Сувалковской губернии, где крепостное право было отменено еще Наполеоном в 1807 г. Ранняя (по сравнению с остальной территорией Российской империи) отмена крепостного права позволила раньше выдвинуть из крестьянской среды деятелей, способных решать не только сословные, но и общенациональные задачи. Следующим судьбоносным шагом стала русификация польских школ. В 1867 г. Мариампольское училище, которое до 1863 г. было одним из инструментов полонизации, было преобразовано в российскую гимназию. Польский язык выбросили из программы, вместо него ввели литовский. Именно из Мариампольской гимназии вышли два выдающихся деятеля литовского возрождения — Ё. Басанавичус и В. Кудирка. Одаренные дети литовских крестьян, оба собирались стать сельскими священниками, и оба использовали лучшие возможности, которые открыла для них российская система образования. Таким образом, российские власти, пытаясь нейтрализовать в Литве польское влияние, одновременно создали социальный простор для литовского национального движения, основанного на языковой почве (с. 57).

Лидерам крестьянской нации приходилось бороться с теми, кто имел более высокий социальный статус в обществе, что делало их разрыв с традициями, историей предыдущего

общества естественным и легким. Наиболее цитируемым историческим произведением в их среде была многотомная история Литвы Т. Нарбута (1784—1864). Последний завершил исследование выводом, что история Литвы «прервалась» в 1569 г., и метафорически сломал свое перо на могиле короля польского и великого князя литовского Жигимонта Августа. Работа Нарбута научно обосновала тезис о том, что современная литовская идея должна черпать силы в эпохе Средневековья, а не раннего Нового времени. Таком образом, литовские национальные деятели смело отбросили целые столетия из жизни ВКЛ , «забыли» лидирующую роль белорусского этноса в его истории, «не заметили» перемещения этнонима «Литва» в пространстве и времени, отказались от идеи единой политической нации, которая лежала в основе Речи Посполитой. Литовские деятели — крестьянские дети, не имели ностальгии по славному прошлому своих предков, они спокойно «проскочили» через несколько столетий и заговорили о национальном возрождении. Белорусские деятели — польскоязычная католическая шляхта — погрязли в трясине существовавшей правдивой традиции, которую они восприняли от своих отцов и дедов. Идея этнической Беларуси с опорой на простой народ далась им значительно тяжелее, чем идея этнической Литвы — литовцам (с. 72).

Большую роль в закреплении этнонима «Литва» за балтским этносом, по мнению Т. Снайдера, сыграла российская политика в регионе. После 1863 г. российские власти видели в польской элите врага, в литовском национальном движении — способ ослабить этого врага, а в белорусском крестьянстве — часть русского народа (с. 74). До 1863 г. белорусскоязычное крестьянство, которое составляло преобладающее большинство в Северо-Западном крае, чаще всего именовало себя «литвинами». После 1863 г. российская религиозная политика и репрессии отодвинули это традиционное представление на обочину общественного сознания. Имперские власти считали православных «русскими», католиков — «поляками». Уничтожив в народном сознании исторический смысл «литовскости», российская власть, по мнению автора, расчистила путь новому — этническому — определению Литвы и упростила задачу литовским национальным деятелям (с. 75).

Для распространения идей национального возрождения среди широких слоев населения, деятелям как литовского, так и белорусского национальных движений необходимо было издавать печатные издания на родном языке, что было невозможно в России. В 1883 г. Ёнас Басанавичус договорился с соотечественниками в Германии об издательстве газеты латиницей за границей, откуда ее контрабандным путем перевозили в Литву. В Германии жили около 100 000 литовцев. «Книгоноши» проявляли чудеса организованности, переправляя в Россию литовские издания (с. 59, 73). Именно помощь соотечественников за пределами империи позволила превратить мечту о печатном издании на литовском языке в реальность.

Мечту о Литве белорусской воплотил в поэтическом слове Винцент Дунин-Марцинкевич. Он остро ощущал двустороннее давление славянских литературных языков на белорусское население. По его собственному признанию, взяться за перевод «Пана Тадеуша» на белорусский его подтолкнул не польский оригинал, а появление русского перевода. Но если поляки имели возможность печатать «Пана Тадеуша» в оригинале и после появления русского перевода, то белорусский вариант Дунина-Марцинкевича был полностью конфискован цензурой. Если литовцы решили проблему, обратившись к соотечественникам в Германии, то Дунин-Марцинкевич не имел такой возможности, так как все белорусы проживали в пределах Российской империи (с. 68). Т. Снайдер приходит на первый взгляд к парадоксальному выводу. Однако чем более задумываешься над его мыслью, тем яснее вырисовывается ее логичность и обоснованность. Автор считает одной из наиболее важных «потерь» в развитии белорусского национального движения — ту, про которую не упоминает ни один национальный деятель: Беларусь не использовала возможности существования этноса в границах разных государств. Теоретически, на страницах учебников, национальные истории относятся к разделам как к тяжелому болезненному расчленению национального тела. Фактически

же, по мнению автора, национальные деятели, разделенные государственными границами, извлекали из этого положения существенные выгоды. Раздел этноса создает возможность того, что одна империя использует национальное движение в борьбе против другой, причем побочным следствием этой борьбы становится рост и усиление национального движения. Разделы позволяют деятелям одного и того же народа, живущего в разных империях, обмениваться идеями. В частности, раздел литовцев в XIX в. позволил вести диалог с иммигрантами, создавать образ единения, контрабандно пересылать книги (с. 385). Мы еще вернемся ниже к проблеме «разделов» на примере развития украинского национального движения.

Таким образом, в работе Т. Снайдера назван целый ряд факторов, которые тормозили развитие белорусского национального движения и способствовали успехам литовского: отсутствие у белорусов национальной церкви (униатская церковь, которая могла бы претендовать на эту роль, была ликвидирована российскими властями в 1839 г., не получив возможности для развития); социальное (шляхетское) происхождение лидеров белорусского национального движения; близость славянского белорусского языка к славянским польскому и русскому языкам, конкурировавших между собой на белорусских территориях; влияние политики российских властей на закрепление термина «Литва» в качестве этнонима балтского народа; размещение белорусского этноса в XIX в. в рамках одной (Российской) империи, что не позволило лидерам белорусского национального движения использовать возможности межгосударственной борьбы в своих интересах. Первые три из перечисленных факторов являются общими как для белорусского, так и для украинского национальных движений. Добавим, что к началу XX в. белорусское общество, как и украинское, в основном было крестьянским и страдало от тех же самых структурных недочетов. Помещичьи земли были в руках полонизированных помещиков, мелкая торговля — в руках евреев, бюрократический аппарат — русских чиновников. В связи с чем понятия «белорус» и «крестьянин» практически совпадали. Как и украинское, так и белорусское крестьянство отличались очень низким уровнем грамотности [2, с. 100]. Тем не менее революционные события начала XX в. доказали более высокую политическую зрелость и силу украинского национального движения. У читателя невольно возникает вопрос, почему белорусское национальное движение оказалось аутсайдером не только по отношению к литовским, но и украинским соседям.

Сравнительно-исторический анализ развития белорусского и украинского национальных движений в XIX в. Т. Снайдер не ставит в своей работе задачу дать целостный ответ на этот вопрос, он лишь затрагивает его отдельные аспекты. Автор указывает на роль Харьковского университета и так называемого «харьковского возрождения» 1820—1830-х гг. в качестве культурного моста между ликвидированным Гетманатом и украинским возрождением в Российской империи (с. 165); подчеркивает роль Т. Шевченко (1814—1861), сумевшего поднять украинский язык до уровня языка «высокой» культуры (с. 165); обращает внимание, что греко-католическая церковь на территории Украины, подвластной Австрийской империи, сумела стать национальной церковью и открыть на протяжении последней трети XIX в. сотни школ, в большинстве которых преподавание велось на украинском языке (с. 169—170). Т. Снайдер отдельно останавливается на последствиях раздела украинской территории между Российской и Австрийской империями. Именно в границах последней стали возможными бурная издательская деятельность Михаила Драгоманова, плодотворное творчество Михаила Грушевского и Вячеслава Липинского (с. 166—167). Попытаемся дополнить профессора Йельского университета и дать более развернутый ответ на вопрос о причинах слабости белорусского национального движения не только по сравнению с литовским, но и украинским.

Во-первых, вступая в эпоху «новейшего времени», украинцы не были совсем «негосударственной» нацией. На протяжении длительного времени они имели политические традиции самоуправления и собственную правящую элиту. Не случайно, один из наиболее известных историков украинского зарубежья И. Лисяк-Рудницкий пришел к выводу, что украинский

вариант создания нации занимает промежуточное место в дихотомии между «историческими» и «неисторическими» нациями, находясь ближе к чешскому, чем белорусскому примеру [6, с. 34]. Еще в XVIII в. была сформулирована концепция исторического развития украинского народа. По образному выражению Н. Яковенко, «в отблесках прощального фейерверка Мазепы» казацкая элита сумела осмыслить пройденный путь через призму вечных вопросов: «Кто мы? Куда идем? Чего добиваемся?» [9, с. 429]. Яковенко имеет в виду произведения, созданные выходцами из казацкой среды Г. Грабянко, Ф. Орликом и С. Величко. Общность концепций всех трех текстов, а иногда и дословные совпадения не перестают вызывать удивление исследователей. Отметим, что Грабянко сделал карьеру полковника в Гетманщине, Орлик — с 1709 г. проживал в эмиграции, а Величко, заподозренный в сочувствии к мазепинцам, на протяжении 1708—1715 гг. находился в заключении. Может быть, все трое передали то, что «носилось в воздухе» в начале XVIII в.? Вынесли из стен своей Alma Mater (Киево-Могилянской коллегии) одинаковые взгляды на историю? Были единомышленниками, ранее обсуждавшими одни и те же вопросы? В любом случае их рабы обосновали правомерность взгляда на Гетманат, как на законное отечество Войска Запорожского. Основными положениями сформулированной концепции были следующие: казачество является непосредственным наследником воинственного хазарского народа; легитимность казацкого государства вытекает из давности прав их предков хазар на завоеванные территории, а также из факта дальнейшей службы князьям и королям, которые за службу даровали казакам права и привилегии; казацкое восстание под руководством Б. Хмельницкого являлось не бунтом против королевской власти, а законным отпором нарушителям ранее завоеванных прав; казачество имеет право на вооруженную борьбу против российских властей в случае нарушения ими казацких привилегий [9, с. 438—442].

Выработанный представителями старшины миф казацкой Украины сохранил свою притягательную силу до начала XX в. Хотя старшина достаточно быстро влилась в ряды российского дворянства, длительное время она оставалась источником кадров для национального движения, и таким образом проложила мостик между «старой» и «новой» Украиной. Не случайно наибольший размах и активность национальное движение приобрело на Левобережье, т. е. территории бывшей казацкой государственности — Гетманщины. Именно Киев и Левобережная Украина поставляли национальному движению кадры, которые действовали в других местах Российской и Австрийской империй. Этого фактора существенно не хватало для развития белорусского национального движения [2, с. 100].

Во-вторых, в XIX в. на территории Украины действовало три университета: Харьковский, Киевский (под властью Российской империи) и Львовский (под властью Австрийской империи). Университет во все времена — не только учебное заведение, в котором получают определенную сумму знаний. Университет — особый культурный феномен, живой организм, развивающийся по своим внутренним законам. И это развитие часто вступало в противоречие с теми государственными задачами, которые ставились при его учреждении. Ярким примером чего стала деятельность Киевского университета. Он был открыт в 1834 г. после подавления восстания 1830—1831 гг. с целью воспитания местного юношества в «верноподданническом духе». Все предметы преподавались на русском языке, тщательный отбор прошли как преподаватели, так и студенты. Тем не менее в апреле 1838 г. в университете была раскрыта деятельность антиправительственной организации «Содружество польского народа» Ш. Конарского, в которую входило 37 человек. Все они были сурово наказаны: 6 — отданы в солдаты, 14 — на военную службу на правах вольноопределяющихся, остальные высланы в отдаленные губернии. Чтение лекций временно прекращалось. Даже непричастных к заговору студентов перевели в Казанский, Харьковский, Петербургский и Московский университеты [7, с. 46—51]. Была проведена очередная чистка преподавательского состава. Казалось бы, после таких мероприятий Киевский университет должен был превра-

титься в настоящий оплот русского влияния в крае. Тем не менее в ходе событий 1863 г. он вновь заявил о себе как антиправительственный центр. В целом, чтобы оценить вклад украинских университетов в становление и развитие национальной интеллигенции, потребовалось бы написать не одну объемную монографию. Именно их выпускники в XIX — начале XX в. выработали стратегию и тактику национального движения и воплотили ее в жизнь.

В-третьих, подавление восстания 1863 г. на территории Беларуси, Литвы и Правобережной Украины привело к осуществлению политики репрессий и русификации со стороны центра. В результате российские «великие реформы» 60—70-х гг. XIX в. имели на этих землях существенную специфику. В частности, на территории Беларуси земская реформа начала осуществляться только в 1911 г. В то время как на территории Левобережной Украины именно тысячи сельских фельдшеров, агрономов, земских статистиков вели ежедневную незаметную «муравьиную» работу по развитию национального самосознания крестьянства. Быстрое развитие украинской революции в 1917 г. не было бы возможным без их достижений.

В-четвертых, украинское национальное движение в полной мере сумело использовать возможности раздела украинского народа между двумя империями. Наиболее тяжелыми как для белорусского, так и для украинского национальных движений считаются 70—90-е гг. XIX в. Что мы знаем о белорусском национальном движении в этот период? В 1880-е гг. в Петербурге действовала народническая группа «Гоман», состоявшая из студентов — уроженцев Беларуси. Группа выдвинула требование социального и национального освобождения белорусского народа, осуществление которого связывала с победой революции в России, переходом власти в руки Учредительного собрания и созданием федерации равноправных автономных областей. В середине 80-х гг. кружки белорусов-народников были ликвидированы полицией. По утверждению авторов, на наш взгляд, наиболее полного и качественного учебника по истории Беларуси: «После разгрома кружков, связанных с «Гомоном», белорусских национально-политических организаций до начала XX в. не существовало» [1, с. 275]. В 1899—1901 гг. в Петербурге по инициативе студента технологического института В. Ивановского был создан нелегальный белорусский студенческий кружок, в котором, по воспоминаниям его основателя, зародилась идея о суверенной независимости Беларуси [1, с. 275—276].

Что мы знаем о украинском национальном движеним этого же периода? После Эмского указа 1876 г., запрещавшего издания на украинском языке, члены общественно-политической организации «Киевская громада» создали «комитет 12-ти», который занялся печатной работой за границей. Часть его членов (М. Драгоманов, Ф. Вовк, Н. Зибер, С. Подолинский) эмигрировали. В 1878—1882 гг. на деньги киевских товарищей М. Драгоманов издавал в Женеве первый украинский политический журнал «Громада». Но основной центр национального движения был перенесен на западноукраинские земли. На средства полтавской помещицы Е. Милорадович, с активным участием галицких народовцев, во Львове было создано литературно-научное товарищество имени Т. Шевченко. С 1880 г. там же начала издаваться ежедневная газета «Дело», а с 1883 г. — литературно-научный журнал «Заря». В 1885 г. народовцы основали политическое общество «Народная Рада» во главе с Ю. Романчуком.

В середине 1870-х гг. в Галиции появилась молодая интеллигенция, которая критически оценивала деятельность как москвофилов, так и народовцев и стремилась придать украинскому движению европейский характер. Под влиянием М. Драгоманова И. Франко, М. Павлик, О. Терлецкий обращаются к социализму. Так в украинском лагере появляется так называемое радикальное течение. Украинские радикалы издавали свои журналы, вели пропагандистскую работу. В октябре 1890 г. они создали первую украинскую политическую партию — Русско-украинскую радикальную партию (РУРП), в новой редакции программы которой (1895) впервые в истории украинского движения был выдвинут постулат о политической самостоятельности Украины. Но наибольших успехов национальное движение в Галиции добилось, когда украинский вопрос всерьез зазвучал в международной политике.

В конце 1880-х гг. возникло серьезное напряжение в австро-российских отношениях, вызванное столкновением интересов двух империй на Балканах. Ожидалось, что оно может привести к началу войны, в которую втянется и Германия. В феврале 1888 г. в берлинском журнале «Gegenwart» появилась статья немецкого философа Эдуарда фон Гартмана, в которой высказывалась идея создания из украинских земель Российской империи «Киевского королевства». Пошли слухи, что появление статьи инспирировал сам Бисмарк. Вена всерьез заинтересовалась украинским движением. Под ее влиянием народовцы и польские политики в Галиции пошли на компромисс. Украинцы требовали от польской администрации края признания самостоятельной украинской нации, обещая взамен сохранять лояльность местным властям. Украинская программа была озвучена на заседании галицкого сейма 25 ноября 1890 г. главой украинской фракции Ю. Романчуком и поддержана греко-католическим митрополитом С. Сембратовичем, а с польской стороны — галицким наместником графом К. Бадени. С этого времени должна была начаться новая эра в польско-украинских отношениях. Правда, «медовый месяц» польско-украинского взаимопонимания длился недолго — до начала 1894 г. Несмотря на провал, «новая эра» имела далеко идущие последствия для развития украинского движения. По условиям соглашения, польская администрация края дала согласие на открытие еще одной украинской гимназии (до этого времени уже существовала гимназия во Львове) и еще одной украинской кафедры во Львовском университете. Одним из прямых последствий «новоэровской политики» стал приезд во Львов в 1894 г. молодого киевского историка Михаила Грушевского. Несмотря на молодость, он взял в свои руки руководство реформированным Товариществома имени Шевченко. За время председательствования Грушевского (1897—1913) Товарищество превратилось в настоящую академию наук, объединившую вокруг себя интеллектуальные силы как австрийской, так и российской Украины. До 1913 г. Товарищество издало около 800 томов разнообразных научных и литературных публикаций. Главным результатом деятельности НТШ стало формирование украинской «высокой» культуры, которая в борьбе за души молодых украинцев могла успешно конкурировать с культурой польской и русской. Польско-украинское соглашение «новой эры» также ускорило политическое структурирование украинской жизни. Недовольная «новоэровскими» компромиссами группа народовцев сблизилась с крылом радикальной партии, которое, в свою очередь, все больше отказывалось от социалистической идеологии в пользу национальной идеи. В 1899 г. они подготовили создание Украинской национальной демократической партии (УНДП), которая стала наиболее многочисленной политической партией.

В ежедневной работе руководство национального движения занялось созданием сети культурно-просветительных и хозяйственных организаций. Так, кооперативное движение было представлено почти 500 кредитными организациями и кооперативными магазинами. Оно поддерживалось и координировалось украинским сберегательным товариществом «Днестр» (1892), обществом «Сельский хозяин» (1898) и Земельным банком (1908). Активно действовало общество «Просвещение». В 1914 г. оно насчитывало 77 филиалов и около 3 тыс. членов. Наряду с традиционными организациями возникают спортивно-пожарные общества «Сокол» (1898) и «Сечь» (1900), которые в будущем стали зародышем украинских вооруженных сил. Система украинского образования в Галиции была представлена 3 тыс. начальных школ, 6 государственными и 15 частными гимназиями. Во Львовском университете действовало 10 украинских кафедр [2, с. 71—79]. Таким образом, даже самый краткий обзор достижений украинского национального движения в 1870—1890-е гг. дает представление о его масштабности и организованности по сравнению с белорусским движением аналогичного периода.

В-пятых, развитие национальных движений невозможно без создания собственного национального мифа, некой общепризнанной схемы отечественной истории. XIX в. — век великих историков, создателей национальных историй. В XIX в. появились 29-томная история России С. М. Соловьева, 4-томная история Польши Юз. Шуйского, 10-томная история

Франции Э. Левиса. В этом смысле деятельность М.С. Грушевского во Львовском университете оказалась чрезвычайно плодотворной. С 1898 г. он работал над украинским гранднарративом [1] — 10-томной «Историей Украины — Руси». На территории Беларуси такой труд в XIX в. не появился. Первый серьезный учебник по истории Беларуси, созданный М. В. Довнар-Запольским в 1920-е гг., дошел до читателей лишь в 1994 г. [3] Ситуация крайне негативно сказалась на развитии белорусского национального движения на рубеже XIX—XX вв. Исторические школы в Беларуси неоднократно разрушались на протяжении всего XX в. Можно констатировать, что белорусский гранднарратив, как общепризнанная схема отечественной истории, не появился и к началу XXI в. В результате каждый новый исследователь, в той или иной мере касающийся вопросов национального развития, вынужден «изобретать велосипед», лихорадочно восполняя пробелы с помощью самообразования. И хотя без последнего не состоялся ни один исследователь, самообразование не может заменить системности и преемственности, нехватка которых по-прежнему остро ощущается в белорусской исторической науке (все вышесказанное автор статьи в полной мере относит на свой счет).

В-шестых, любое национальное движение нуждается в материальном обеспечении. На территории Беларуси и Украины ополяченное дворянство в основном не поддерживало культуру «хлопов». В западноевропейских странах основным меценатом национализма была местная буржуазия. В этом смысле белорусское и украинское национальные движения были в трудном положении. Практически не существовало буржуазии, которая бы разговаривала на украинском или белорусском языке и поддерживала местную культуру. Тем не менее уровень промышленного развития Украины во второй половине XIX — начале XX в. был выше, чем Беларуси. Хотя численность богатых меценатов, которые подобно Чикаленко и Симиренко финансировали украинские издания и оказывали материальную помощь культурным и научным организациям, была очень незначительной, белорусское национальное движение не имело и такой поддержки. Фактически модернизация пришла в Беларусь только в 20—30-е гг. XX в. И пришла не вместе с национализмом, а рука об руку с большевистской идеологией и советской государственностью, носителями которых выступал русский язык. Вместе с тем белорусское национальное движение не могло рассчитывать на финансовую поддержку многочисленного, но пауперизированного крестьянства. В этом смысле украинское движение оказалось в более выигрышной ситуации, что было обусловлено влиянием нового явления в общественно-политической жизни галицких крестьян в конце XIX в.

В-седьмых, речь идет о начале массовой эмиграции украинских крестьян в Америку, в первую очередь Канаду и США, в меньших размерах — в Бразилию и Аргентину. Масштабы эмиграции резко выросли в начале XX в. Если в 1890—1900 гг. из Галиции эмигрировало 78 тыс. человек, то за первое десятилетие XX в. выехало около 224 тыс. человек. Подсчитано, что с 1890 по 1913 г. количество эмигрантов равнялось трети всего прироста населения за этот период [2, с. 98]. Первоначально эмиграция вызвала чувство страха у галицко-украинских политиков, поскольку ее массовость создавала впечатление, что исчезает главная опора национального движения — украинское крестьянство. Однако неожиданно она обернулась хорошей стороной. Эмигранты значительную часть заработка отправляли домой. В результате у галицких крестьян впервые появились деньги, на которые они начали скупать главное богатство — землю. Как правило, эта была земля польских помещиков, которые после ликвидации барщины не смогли приспособиться к новым условиям хозяйствования. Позднее, в наиболее сложные для всех национальных движений на территории советского государства

[1] Под «гранднарративом» понимается общепризнанная историками определенного государства схема, в рамках которой прошлое структурировано в определенной хронологической, географической и событийной последовательности. В связи с чем каждый отдельный эпизод прошлого начинает восприниматься (объясняться) как созвучный «смыслу» всей истории [10, с. 180].

1930-е гг., именно украинская диаспора за рубежом сумеет сохранить и развить достижения национального украинского движения. Феномен отсутствия сплоченной белорусской диаспоры в прошлом и настоящем, на наш взгляд, требует отдельного исследования.

В-восьмых, национализм, прежде чем стать массовым движением, является городским, а не сельским феноменом. Города в Беларуси и Украине в XIX — начале XX в. были средой функционирования, в первую очередь, польской, еврейской, русской культур — но не белорусской и украинской. Полтава была единственным губернским городом, где украинцы составляли большинство. Украинская интеллигенция сумела наладить определенную национальную жизнь также в двух университетских центрах — Киеве и Харькове. Численность же белорусской интеллигенции была наиболее низкой среди народов, входивших ранее в состав Речи Посполитой. В 1897 г. на 5 млн белорусов приходилось всего 18 тыс. человек, которые имели образование выше начального, т. е. три человека на каждую тысячу [2, с. 100]. Из-за небольшой численности образованных людей ни один белорусский город не стал местом сосредоточения более-менее заметной культурной общины. На рубеже XIX—XX вв. единственным центром белорусского национального возрождения был Вильно, который в перспективе мог превратиться в национальную столицу. Но этого не произошло, так как Вильно «выпал из орбиты» белорусского национального движения и стал столицей независимого литовского государства. Почему? Когда? Каким образом это произошло? Ответам на эти вопросы посвящена значительная часть книги Т. Снайдера. Вернемся к ее страницам.

Литуанизация Вильно. Период немецкой оккупации Вильно в годы Первой мировой войны Т. Снайдер рассматривает вскользь, что не позволяет читателю в полной мере выяснить причины, по которым немецкие власти поддержали литовский, а не белорусский проект создания государственности. Исследование З. Шибеко позволяет прояснить этот вопрос. Лидеры белорусского национального движения дважды (в декабре 1915 г. и январе 1917 г.) представляли руководству оккупационных властей проекты возрождения ВКЛ в виде белорусско-литовской и белорусско-латышско-литовской конфедерации. Дважды идея конфедерации не нашла поддержки ни у литовских деятелей, ни у представителей кайзеровской Германии. Немцы после Февральской революции 1917 г. окончательно сделали ставку на литовское национальное государство по следующим причинам. Во-первых, в силу сложившейся международной ситуации. Перед оккупантами стояла задача удержать завоеванные территории ценой сепаратного мира с Россией. Белорусский же проект создания федеративного государства с включением в него всех белорусских земель затрагивал российские интересы. Во-вторых, принять сторону белорусского национального движения немцы не могли из-за его слабости и отсутствия в его составе правого политического крыла. За Вильно боролась не вся Беларусь, и даже не вся политическая элита, а ее часть — выходцы из западнобелорусской шляхты. Литовская же элита по вопросу Вильно выступала единым фронтом, литовские лидеры имели большую поддержку со стороны крестьянской массы, что было результатом просветительской деятельности в деревне еще в XIX в. В-третьих, политические цели немцев и литовцев временно совпали. Литовские деятели соглашались на все условия оккупантов, в то время как белорусские отказывались от немецкого протектората [8].

На втором этапе оккупации (март 1917 г. — конец 1918 г.), когда немцы уже сделали свой выбор в пользу литовского национального движения, в борьбе за Вильно белорусы и литовцы действовали отдельно друг от друга. 11 декабря 1917 г. была провозглашена Декларация о создании Литовского государства со столицей в Вильно. Молодое государство приняло статус немецкого протектората. После провозглашения Литвой независимости и начала немецкого наступления на восток Виленская белорусская рада 19 февраля 1918 г. заявила от своего имени о независимости Беларуси от большевистской России и выразила желание, чтобы все белорусские земли (по обе стороны фронта) стали основой для возрождения ВКЛ. Отметим,

что заявление Виленской рады прозвучало тогда, когда в Минске 9 февраля 1918 г. уже было объявлено о создании Белорусской Народной Республики. Значит, для виленских лидеров проект возрождения ВКЛ со столицей в Вильно был более значимым, чем провозглашение БНР с центром в Минске. Однако становилось все более ясным, что реализация федералистского проекта не имеет шансов на успех. После того, как советская Россия «поделилась» с Германией белорусскими землями по Брестскому договору 3 марта 1918 г., а кайзер 23 марта 1918 г. признал Литву, Виленской белорусской раде ничего не оставалось, как инициировать провозглашение независимости БНР со столицей в Минске. Почему виленские лидеры так долго и упорно придерживались идей федерализма? По мнению З. Шибеко, не только потому, что они недооценивали национализм, как на это указывает Т. Снайдер. Они считали, что белорусское общество было не готово к независимости. Белорусская буржуазия и белорусская нация не успели сформироваться. Без связей с морскими портами Литвы экономическая мощь белорусского государства существенно снижалась. Кроме того, виленские лидеры хорошо понимали идеологическую и культурную значимость Вильно и не хотели его терять. В целом они считали, что для самостоятельного белорусского государства не хватало ни экономического, ни социального, ни культурного фундамента [8].

Идея совместного существования Литвы и Беларуси провалилась также и в рамках советской государственности. Провозглашенная в феврале 1919 г. Социалистическая Советская Республика Литвы и Беларуси просуществовала лишь до июля 1919 г., когда была ликвидирована в результате успешного наступления польских войск.

21 апреля 1919 г. армия Юзефа Пилсудского выгнала Красную армию из Вильно. Литовские и белорусские коммунисты бежали в Минск, обвиняя друг друга в поражении ЛитБел. По мнению Т. Снайдера, для Пилсудского принадлежать к Литве означало сохранять традиции ВКЛ. Его патриотические чувства основывались не на современном — этническом или языковом — определении Польши, а *на идее федерализма,* которая могла объединить все народы бывшей Речи Посполитой. Он сам являлся представителем того мира, о котором мечтал, и не забывал о своем литвинском происхождении. В программе Польской социалистической партии (ППС) Пилсудским ставилась задача создать федеративное государство. Социал-федералисты исходили из понимания нации не как языковой общности, а социальной группы с соответствующим статусом в обществе (с. 88). Перед походом на Вильно 22 апреля было опубликовано «обращение к жителям бывшего ВКЛ», в котором Пилсудский обещал, что местное население сможет самостоятельно избрать себе правительство. Это обращение осудили как польские, так и литовские националисты. Первые считали абсурдным относиться к Вильно иначе, чем к одному из польских городов. Литовское правительство в Ковно увидело в обращении маску, за которой скрывается польский империализм (с. 93).

Хотя военную операцию по захвату Вильно организовали польские федералисты, она послужила делу польских националистов. Национал-демократическая партия Романа Дмовского занималась подготовкой польских рабочих и крестьян к созданию мононационального польского государства. По мнению Т. Снайдера, по сравнению с национальной федералистскую идею было значительно сложнее осуществить. Федерализм требовал крайней *взвешенности* в определении границ, *компромиссов* между местными элитами *и согласия* разных этнических групп внутри государства (с. 89). В отличии от литовских националистов и белорусских федералистов польские националисты не рассчитывали на массовую поддержку их идей на территории бывшего ВКЛ. В отличие от большевиков и польских федералистов они никогда не возглавляли войска, которые захватывали Вильно. Тем не менее в 20-е гг. XX в. именно их взгляды были реализованы на практике. Победа их идей по строению государственности означала победу модерных национальных идей в момент распада империй. На стороне Пилсудского была реальная военная сила, однако он запутался в сложностях федералистского проекта. Когда остальные польские партии отклонили идею федерации, он вы-

нужден был поддержать политику Дмовского. Это был триумф модерного национализма над традиционным многонациональным патриотизмом Великого Княжества Литовского (с. 90).

В апреле 1920 г. Польша начала наступление на большевистскую Россию. Одновременно начались переговоры между большевистским и литовским правительствами. Их интересы временно совпадали. Большевики предложили Вильно Литве в обмен на свободный проход Красной армии через территорию Литвы в Польшу. 12 июля 1920 г. Ковно и Москва подписали соответствующий секретный протокол. Красная армия быстро заняла Вильно, затем передала город Литве. Однако уже в августе 1920 г. Красная армия была остановлена на подступах к Варшаве, и началось контрнаступление польских войск. Когда в сентябре 1920 г. в Риге делегации Польши и советской России начали переговоры о мире, государства Антанты настойчиво подталкивали Польшу и Литву к примирению. Стороны достигли политического соглашения 7 октября 1920 г., при этом Вильно оставался Литве. В ответ Пилсудский тайно спланировал военную операцию с целью вернуть город Польше. Ее возглавил генерал Люциан Желиговский — еще один выходец из литвинской шляхты. 9 октября практически без боя его армия вошла в Вильно. 12 октября генерал объявил о создании «Средней Литвы», которая должна была стать одним из округов Литвы, объединенной в федерацию с Польшей. Предполагалось, что будут созданы еще два округа: этническая Литва со столицей в Ковно и белорусская Литва со столицей в Минске. Однако планы Пилсудского и Желиговского не могли быть реализованы на практике. Литовское правительство не собиралось превращать Литву в один из округов, а захват Ковно силой не только не соответствовал принципам федерализма, но и мог подтолкнуть европейские государства к активным действиям. Одновременно польские национал-демократы позаботились о том, чтобы белорусско-литовский округ никогда не появился в реальности. В тот же день, когда Желиговский провозгласил создание «Средней Литвы», польская делегация в Риге отказалась от предложенных ей большевиками Минска и других территорий, занятых на тот момент польскими войсками. По мнению Т. Снайдера, это означало смерть федеративной идеи. В польской делегации задавал тон С. Грабский. Делегация представляла польское правительство и законный парламент, а не главу государства — Пилсудского. За Пилсудским стояли армия и офицерство, за Грабским — сейм, в котором преобладали национал-демократы. Таким образом, идею федерации похоронили польские национал-демократы в Варшаве и литовское правительство в Ковно (с. 94—95).

На протяжении двух межвоенных десятилетий XX в. Беларусь была разделена между Польшей и СССР. Т. Снайдер считает, что, хотя Сталин уничтожил белорусскую интеллигенцию, а Польша закрыла все белорусские школы, этот период был временем значительных национальных достижений. Москва активно пользовалась двумя ленинскими тактическими находками — идеями союза с крестьянством и национального самоопределения — для того чтобы разжечь революцию в Польше. Агитация за границей сопровождалась реальными действиями на своей территории. В 1923, 1924 и 1926 гг. границы БССР были значительно продвинуты на восток за счет Российской Федерации. В 1920-е гг. Москва поддерживала развитие белорусской культуры. Если во времена царизма не было даже школ на белорусском языке, то в 20-е гг. Советская Беларусь могла похвастаться существованием Академии наук, Белорусского государственного университета, Института белорусской культуры, Белорусской государственной библиотеки и 4000 белорусских школ (с. 96).

В результате заключения секретного протокола к пакту Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г. 19 сентября 1939 г. Красная армия заняла Вильно. Последствием раздела Польши между Германией и Советским Союзом стало объединение всех земель, на которых жило белорусское население, в рамках советского государства. Этот шаг приветствовался белорусскими национальными деятелями, которые не сомневались, что в результате советской экспансии Вильно окажется в границах БССР. Во время подготовки к захвату Вильно в сентябре 1939 г. все свидетельствовало о том, что город отдадут Советской Беларуси. И. Кли-

мов, возглавлявший советскую администрацию в Западной Беларуси, получил полномочия объявить Вильно столицей Западнобелорусской Советской Социалистической республики. Советская власть вела пропаганду в городе на белорусском языке. Советские газеты объясняли историческую обоснованность прав Беларуси на Вильно (с. 116). Однако в конце сентября 1939 г. Сталин решил отдать город Литве. Антон Луцкевич и целый ряд других белорусских деятелей оказались за решеткой, «белорусы стали первыми — и забытыми жертвами — решения Сталина присоединить Вильно к Литве» [с. 117]. По мнению Т. Снайдера, то, что надежды белорусов получить Вильно не оправдались, повредило белорусскому делу значительно больше, чем аресты и ссылки лидеров национального движения. Во-первых, это означало, что белорусское население с территорией, прилегающей к городу, не присоединится к белорусской национальной идеи. Во-вторых, передача Вильно Литве подтверждала мнение, что наследницей ВКЛ выступает не Беларусь, а Литва (там же).

1 октября 1939 г. литовский министр иностранных дел Юозас Урбшис узнал, что за Вильно придется расплачиваться присутствием советских войск в Литве; 20 тыс. советских солдат — такой была цена Вильно. Тем не менее литовские лидеры и общество реагировали на такое соглашение в основном всплеском симпатий к СССР. Страх перед советской властью смягчала вера в то, что, как бы не закончилась война, Москва оставит город Литве. Литовцы считали, что с приходом советской власти прекратится связь Вильно с Польшей и Виленский край можно будет литуанизовать (с. 118). Эти надежды оправдались. До войны Вильно был в первую очередь польским и еврейским городом. Свой страшный вклад в изменение его национального облика внесли нацисты, стремившиеся к уничтожению всех евреев. Из 70 тыс. довоенных евреев к концу войны в живых в городе остались около 7 тыс. (с. 124).

13 июля 1944 г. Красная армия вошла в Вильно. Была восстановлена Литовская ССР. Если в 1939—1941 гг. Советы депортировали местную элиту вглубь СССР, то в 1944—1946 гг. польское население края депортировали из западных районов СССР в Польшу. Из Вильно и прилегающих территорий в Польшу выехало около 100 тыс. человек (с. 124). Т. Снайдер считает, что именно после депортации поляков в Вильно закончилось господство польской культуры, начало которого было связано с созданием в 1569 г. Речи Посполитой. «Литва» в историческом смысле слова исчезла. Вильно стал «безымянным городом». Он получил имя Вильнюс (с. 126).

Чтобы возвести новое здание, потребовалось разрушить старое. Нацисты и коммунисты создали физический и политический простор, в котором Вильно мог стать литовским городом. В холокост погибло около 90 % виленских евреев, после войны переехало в Польшу около 80 % виленских поляков. По данным переписей, проводившихся в СССР, можно приблизительно представить, как развивались дальнейшие события. В 1959 г. около 34 % жителей города называли себя литовцами, 29 % — русскими, 20 % — поляками, 7 % — евреями, 6 % — белорусами. Впервые в новой истории литовцы составляли большинство в многонациональной общине Вильно (общая численность жителей — 236 100 человек). 34 % в 1959 г. против 1—2 % в 1939 г. — такой рост не может не поражать. Вместе с тем литовцы количественно ненамного превосходили русских и почти вдвое уступали всем славянам вместе взятым (русским, полякам, белорусам). К 1989 г., когда в Советском Союзе проводилась последняя перепись, население Вильно увеличилось вдвое и достигло 576 700 жителей, из которых литовцы составляли большинство — 50,5 %. Численность русских, поляков и белорусов уменьшилась соответственно до 20,19 и 5 %. Даже все вместе славяне теперь уступали литовцам. Если учесть, что в тот же период советская власть русифицировала Минск[2], Ригу и Таллин, то названные выше цифры требуют пояснений (с. 131—132).

[2] Ситуацию с русификацией Минска и республики в целом с болью описал в своем письме в ЦК КПБ Якуб Колас [5].

По мнению Т. Снайдера, частично литуанизация Вильно объясняется тем, что литовские коммунисты пошли на компромисс с советским руководством. Во второй половине 40-х гг. они осуществляли политику Сталина — уничтожали тех, кто боролся против советской власти, осуществляли депортации, коллективизацию. Антанас Снечкус был секретарем ЦК литовской коммунистической партии с 1936 г. до самой смерти в 1974 г. В коммунистической истории дольше партию возглавлял только Мао. Снечкус — свидетель межвоенных политических перипетий — понимал, что центральным вопросом для литовских националистов всегда был вопрос Вильно, и активно проводил политику его литуанизации.

После войны Вильно остался практически пустым. И по логике он должен был заселяться местным крестьянством. Однако, как свидетельствует опыт, урбанизация по-советски не предусматривала, чтобы титульная нация преобладала в столице. Однако в Литве медленные темпы индустриализации способствовали миграции в столицу местного населения, а не массовому притоку переселенцев из других союзных республик, какой наблюдался в Минске, Риге и Таллине. Кроме того, из-за большого влияния католической церкви в обществе и запрета на аборты литовские семьи в 50—60-е гг. XX в. часто были многодетными. И все-таки вопросы национального определения нельзя сводить к рождаемости и демографии. По мнению Т. Снайдера, если бывшие крестьяне и их дети называли себя в городе литовцами, то это свидетельствовало об изменении социальной ситуации. На протяжении сотен лет восхождение по социальной лестнице в Вильно сопровождалось усвоением польской культуры. Теперь этот путь перестал существовать. Литуанизацию Литвы следует рассматривать в русле не только физического удаления поляков из города, но и уничтожения польской цивилизации как воплощения городского образа жизни (с. 133). В 50-е гг. XX в. литовцы стали тем, чем никогда не были — городской нацией. В 60-е гг. в Вильно большинство шестнадцатилетних юношей и девушек, у которых литовцем был один из родителей, считали себя литовцами, т. е. при советской власти «литовскость в Вильно приобрела ассимиляционную силу» (с. 135).

Причину быстрой литуанизации Вильно Т. Снайдер видит и в том компромиссе, который заключили литовские коммунисты и литовская интеллигенция. В период с 1945 по 1953 г. из советской Литвы было депортировано около 120 тыс. жителей, или 5 % населения. В изгнании оказались известные литовские писатели и ученые, около 1300 римско-католических священников. После 1953 г. многие из них вернулись на родину, где нашли советскую Литву со столицей в Вильно, который превратился в город литовской культуры. Если в первое десятилетие существования Литовской ССР литовцы составляли явное меньшинство в литовской компартии, то после 1953 г. их доля начала быстро расти. Интеллигенция приняла негласное соглашение, по которому в обмен на вступление в компартию она получала возможность для развития литовской культуры. И это принесло самые плодотворные результаты. Произошло окончательное формирование литовского литературного языка, больших успехов достигла литовская литература. Виленский университет стал центром балтских исследований (с. 135).

Т. Снайдер считает поучительным сравнить Беларусь с Литвой. К 1970-м гг., когда модерная версия истории Литвы была практически полностью институализирована, из белорусских учебных программ национальная история практически исчезла. До 1980 г., когда большинство школ в Литве стали с литовским языком обучения, ни одна школа в Минске не вела обучения всех предметов на белорусском. В результате в период перестройки белорусское национальное движение начинало с обнародования элементарных фактов и событий, следы которых были уничтоженных НКВД. Белорусский нарратив о происхождении из Великого Княжества Литовского был в 1980-е гг. сферой весьма немногочисленных образованных элит. Литовская же версия истории была известна большинству литовцев (с. 387—388).

Благодарности. Завершая раздумья над книгой Т. Снайдера «Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва и Беларусь 1569—1999», хотелось бы обратить внимание на те «детали», которые превращают изучение серьезных политических вопросов в удовольствие. Во-

первых, это своеобразный авторский стиль (отдельное спасибо переводчикам Н. Романовскому и О. Колацкой). Некоторые фразы, благодаря своей ясности и выразительности, независимо от вашей воли, сразу врезаются в память. Например, рассуждая о запрете в СССР упоминать пакт Молотова — Риббентропа, Снайдер пишет: «В горбачевские времена на массовых демонстрациях литовцы называли его национальной трагедией. Это свидетельство мужества. Они объявляли себя невинными жертвами секретных договоренностей. Это свидетельство беспамятства — в результате этих договоренностей Литва получила Вильно» (с. 138).

Во-вторых, это авторский юмор, который заставляет читателя улыбнуться в, казалось бы, самых серьезных местах. Рассматривая события лета 1919 г., когда в Версале определяли границы в Европе, Т. Снайдер отмечает: «В августе 1919 г. Пилсудский предложил провести два плебисцита: один — на землях, занятых польскими войсками, другой — в остальной Литве. Литовские лидеры отказались на том основании, что Вильно — этническая литовская территория, и это никак не зависит от волеизъявления населения. Министр иностранных дел Августинас Вальдэмарас сказал, что "нация состоит более из мертвых, чем из живых", и это, следует думать, вызывало определенные проблемы с подсчетом голосов» (с. 93).

В-третьих, это наличие в книге (что столь не характерно для научных работ) главного героя. Именно он объединяет разные исторические эпохи и национальные государства в нечто неразрывное целое. Фигура Адама Мицкевича, его поэзия незримой нитью связывают разорванные в пространстве и времени сюжеты. Т. Снайдер неоднократно упоминает в своей книге о памяти и «духе» поэта. И, похоже, лукавит. Для него Мицкевич, конечно, живой. Автор с ним советуется, оценивает деятельность исторических персонажей и современных политиков. Поэма «Пан Тадеуш» является для Снайдера той призмой, через которую он наблюдает, как раннемодерный литвинский патриотизм «распался» на отдельные «цвета» национальных идей. Отношение к Мицкевичу автор считает лакмусовой бумагой в понимании зрелости национальных движений как в прошлом, так и в настоящем [с. 386].

И наконец, спасибо автору за неравнодушие. Неравнодушие к судьбе белорусов. Поставив неутешительный диагноз о том, что белорусский этнос до сих пор не сформировался как нация, он видит возможности для его развития, дает советы, как быстрее и успешнее завершить этот путь. Согласимся ли мы с диагнозом? Нужны ли нам советы? Хотим ли услышать их? Ответы на эти вопросы не сможет дать заокеанский профессор. Они зависят от нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. 2000—2005. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XIX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш.]. Мінск : УП «Экаперспектыва», 2005. 519 с.

2. *Грицак, Я. Й.* Нарис історії України: формування модерної української нації XIX—XX ст. / Я. Й. Грицак. Київ : Генеза, 2000. 360 с.

3. *Доўнар-Запольскі, М. В.* Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. Мінск, 1994. 510 с.

4. *Катлярчук, А.* У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае Княства Літоўскае і Швецыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны стагоддзя / А. Катлярчук. Мінск : БУДЗЬМА, 2008. 305 с.

5. *Колас, Я.* Прашу зразумець мяне правільна / Я. Колас // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 10. С. 56—57.

6. *Лисяк-Рудницьки, І.* Історичні есе: в 2 т. 1994 / І. Лисяк-Рудницьки. Київ, 1994. Т. 1. 530 с.

7. *Петров, Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. 2002. Т. 2: Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. / Ф. А. Петров. М. : Изд-во МГУ, 2002. 815 с.

8. *Шыбека З.* Чаму Вільня не стала сталіцай БНР? — Режим доступа: http://bk.baj.by/lekcyji/historyja/szybeka_01.htm — Время доступа: 27.08.2010.

9. *Яковенко, Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України / Н. Яковенко. Київ : Критика, 2005. 584 с.

10. *Яковенко, Н.* Вступ до історії / Н. Яковенко. Київ : Критика, 2007. 375 с.

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2011 г.